

Р. П. МАТВЕЕВА
(Улан-Удэ)

ЭТНОКУЛЬТУРА РУССКИХ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ В ФОЛЬКЛОРНОМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ¹

Рецензия на: Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. Т. 1—4. — СПб.: Наука, 2007—2009.

Крупным вкладом в изучение русской народной культуры в ее базовом, основополагающем формате стал фундаментальный труд иркутской фольклористки Г. В. Афанасьевой-Медведевой «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири». По словам научного редактора, известного лингвиста Ф. П. Сороколетова, Словарь «вобрал в себя достижения собирательского дела и теоретические успехи лексикографии и, по сути, открывает новое направление в науке» (т. 1, с. 4).

Опубликовано из подготовленных двадцати томов четыре объемных тома (более 40 п. л. каждый), но отдельный том самоценен не только как лингвистическое звено единой работы, но и как самостоятельная книга, научно значимая для многоаспектных исследований. «Земледелие и языкознание, по-видимому, две науки почти несродственные, — писал Вл. Даль в статье о наречиях русского языка, — но если изучать землю вместе с обитателями ее, то вопрос этот принимает иной вид...» [Даль 1978, ХLI]. Так в Словаре Байкальская Сибирь предстала вместе с ее обитателями не только в языковом освещении, а гораздо шире. Поставив перед собой лингвистическую задачу — представить речь старожилов Байкальской Сибири, автор вместе с тем выполнила куда более значимую работу. В названии «Словарь говоров...» хотя и заключено лингвистическое его содержание, но по сути своей это многогранный по широте и характеру контекста научный труд, в том числе и

фольклористический, и этнографический, и исторический, и социологический.

Поражает прежде всего богатство приведенной в Словаре лексики, только словник одного первого тома насчитывает 700 слов, примерно столько же и в других томах. В каждом томе помещены десятки фотографий (в первом томе — 166, во втором — 136), и каждый том снабжен компакт-диск с видеоматериалами, на котором запечатлены фрагменты рассказов талантливых носителей вербальной традиции. Уникальность Словаря заключается в том, что слово/фразеологизм, употреблено в контексте устной народной прозы. По образному выражению писателя В. Г. Распутина, написавшего предисловие к Словарю, слово «дается в “работе”, в пространным рассказе, и от этого вместе “со товарищи” украшает и текст, и ярче и богаче становится само, получает полное семантическое, и фонетическое, и морфологическое значение» (т. 1, с. 9).

О Словаре в предваряющих его статьях сказано, что это «выдающийся памятник русской народной культуры, уникальная энциклопедия жизни русских старожилов Сибири второй половины XX — начала XXI столетия» (Ф. П. Сороколетов), «свод, энциклопедия, житие и сказание сибирских окраин» (В. Г. Распутин). В оценках нет ни малейшего преувеличения. Иллюстрации к словам/фразеологизмам являют собой выраженные в художественных формах устной прозы народные свидетельства жизни не только рубежного периода последних десятилетий XX — первого десятилетия XXI в., когда эти рассказы записывались, но и всего XX в., поскольку рассказчиками были в основном люди, родившиеся в конце XIX — начале XX в. «Из многочисленных устных повествований, из этой, на первый взгляд, сюжетной пестроты, разноголосицы постепенно выстраивалась какая-то большая, скрепленная внутренним *единством взгляда на мир* книга-исповедь о Судьбе русского сибиряка, рассказанная им самим», — так автор определила материал, породивший Словарь (т. 1, с. 18).

Нетрадиционный для лингвистики по своей сути и форме исполнения Словарь показал традиционную культуру (в ее главном проявлении — языке, фольклоре) особого региона, названного автором

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №08-04-00357а.

Байкальской Сибири. Байкальская Сибирь, поясняет Г. В. Афанасьева-Медведева, не только понятие географическое, но и обозначение особого культурного пространства, места функционирования русской культуры в условиях плотного иноэтнического окружения.

Сама идея создания Словаря родилась благодаря полевой собирательской работе автора. По результатам и масштабам собирательской деятельности, по охвату территории, числу обследованных населенных пунктов, привлеченных информантов, по количеству и качеству собранного материала трудно найти опыт полевых изысканий, сопоставимый с опытом автора Словаря. Рамки рецензии не могут дать и доли представления о самоотверженном труде страстного собирателя фольклора, истинного подвижника народной культуры Г. В. Афанасьевой-Медведевой. Об этом надо писать книги. Впечатляет уже сжатая информация об объеме полевой работы автора Словаря. Систематическая собирательская работа Г. В. Афанасьевой-Медведевой на протяжении 27 лет (1980—2007 гг.) охватила 1258 старожильческих населенных пунктов, освоенных русскими в XVII—XVIII вв.: Приленье, Нижняя Тунгуска, Ангаро-Енисейская зона, Присаянье, Прибайкалье, Забайкалье. «...Мне везло, — пишет в предваряющей Словарь статье Г. В. Афанасьева-Медведева. — Пеглистые дороги моих странствий часто приводили в райские уголки сибирской страны и заканчивались открытием уникальных мастеров народного слова. Так было, помню, на реке Лене, на Ангаре, Енисее, Шилке, Амуре, на их многочисленных притоках, там, в отдельных таежных селениях, полнокровно звучала живая русская речь — простая и величавая, как мерное и естественное течение реки; именно там, в сердцевиной глубине Русской Сибири, почему-то сильнее всего ощущается связь этих стихий: *речи* и *реки*, полноводной, свободно и величественно движущейся в нестесненных высоких берегах (и уже не кажется случайной общая у слов *река* и *речь* древняя основа — *рек-*, следы которой сохранились в некоторых современных диалектах, где слово *речь* означает *реку* — «Нынче *речь-то* наша рыба-биста») (т. 1, с. 18).

Традиционная жизнь большинства из 138 обследованных сел вплоть до последних

десятилетий оставалась, по словам собирательницы, «в состоянии нетронутости». Материал Словаря отразил, таким образом, реальную культурную систему русских старожилов-сибиряков, фольклор которых в силу определенных как внутренних, так и внешних, исторически объяснимых жизненных условий пребывал в достаточной сохранности. Живая традиция фольклора находилась в той стадии своего бытования, которая еще позволяла зафиксировать целостную картину глубинных связей фольклора с историческими и этнографическими реалиями. Г. В. Афанасьевой-Медведевой удалось запечатлеть на фоно пленку живой голос носителей традиционной культуры, на фото пленку — их реальный облик.

Этот капитальный труд был подготовлен предшествующими и параллельно со словарем публикуемыми научными работами автора, основанными также на широких полевых исследованиях. Из публикаций, принадлежащих Г. В. Афанасьевой-Медведевой, назовем хотя бы только две книги: «Рождественские ночи. Сказки, былички, заговоры» [Афанасьева-Медведева 1994] и «Русская охота на медведя в Восточной Сибири в фольклорном и этнолингвистическом освещении» [Афанасьева-Медведева 2002]. Обе они основаны на уникальном полевом материале, в значительной степени собранном автором. Открываем сборник «Рождественские ночи» и сразу же попадаем в мир сибирской деревни с ее трудом, «помочами», праздниками, людскими судьбами, и еще много чего откроется читателю в этой книге. В предисловии, очерках, комментариях автор не может обойти живое слово, которое требует объяснения то ли потому, что устарело, то ли утрачен древний смысл, то ли пришло оно (слово) из языка соседних народов. «Отожнешься, все дворы отожнутся, помочью жили, всей деревней ходили вкругову по дворам; уберешься, а потом саламатим». Сноска к рассказу поясняет: «Саламатить — варить саламат по окончании дожинок. Саламат — бурятское национальное блюдо. У части русского населения на севере России сами дожинки называли кашею. У русских в Сибири иногда вместо каши варили саламат» [Афанасьева-Медведева 1994, 7]. Автор подчеркивает, что «представление о мире, о космосе, его едине-

нии с человеком сохранились не только в произведениях устной поэзии и древних письменных источниках, но и в живой разговорной речи сибиряков» [Там же, 34]. В приложении к сборнику помещен словарь, объясняющий значения около 130 диалектных и малоупотребительных слов.

Одному из ярких проявлений традиционной культуры таежной Сибири — русской охоте на медведя посвящена другая из названных выше работ Г. В. Афанасьевой-Медведевой. Восточная Сибирь в силу определенных причин оказалась хранилищем русского архаического фольклора, связанного с тотемным культом медведя. Это реалистические рассказы, былички, поверья, легенды, предания, заговоры, заклинания, описание обрядов, обычаев, ритуалов. Впечатляет объем собранного материала по «медвежьей» тематике: 12964 единицы [Афанасьева-Медведева 2002, 8]. Устные рассказы бывалых охотников, описывающие различные способы охоты на медведя и связанный с нею ритуал, составили объемный текстовый корпус — 4654 единицы. Кроме рассказов, использованных в исследовательской части, 86 текстов с комментариями и указателями, необходимыми для научного издания фольклорных текстов, опубликовано отдельным разделом. Нарративы не только содержат положительные знания (истинные или мнимые, порожденные верованиями и суевериями), но и интересные для читательского восприятия факты. Вместе с исследовательской частью и словарем они объемно представили фольклорный, этнографический, лингвистический материал для многоаспектных исследований. На основании устных народных рассказов Г. В. Афанасьева-Медведева выявляет и рассматривает устойчивые структурно-содержательные компоненты наиболее распространенного в Восточной Сибири способа охоты «на берлоге» с заломом, обращая особое внимание на отраженные в рассказах элементы тотемического почитания медведя, верований, обычаев, обрядов, ритуалов, связанных с медвежьим культом. Автор подводит к выводу, что русские Восточной Сибири не утратили древний славянский культ медведя-тотема и даже в некоторой степени обогатили его, дополнив свои представления заим-

ствованиями из культовых медвежьих обрядов других народов Сибири.

Что касается лингвистической стороны исследования, то объяснения диалектной лексики, которой насыщены публикуемые повествования, даны к более 300 лексическим единицам в прилагаемом Словаре малоупотребительных и диалектных слов. Нашлось место пояснениям к словам и в исследовательской части автора.

В результате глубоких систематических полевых изысканий Г. В. Афанасьевой-Медведевой были подготовлены и другие работы. Таким образом, Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири в двадцати томах стал итогом всей предшествующей научной и собирательской деятельности автора.

В полной мере и всесторонне Словарь, несомненно, будет еще оценен специалистами разных профилей, как и титанический труд автора Словаря — Г. В. Афанасьевой-Медведевой. Специалисты разных научных дисциплин найдут в Словаре свой материал для исследования, и значение этого капитального труда определится всесторонне. Для фольклористов особый интерес представляет заключенный в контексте фольклорный материал как репрезентативный источник для фольклористических исследований и, что особенно важно, для определения предметного поля современного фольклора. Словарь станет и неопровержимым аргументом в пользу полевой собирательской работы.

Прежде всего надо отметить текстологическую надежность материала. Все тексты записывались на магнитную ленту и публикуются с точным воспроизведением народной речи в соответствии с фонограммой, без литературной обработки. О достоверности научной публикации текста свидетельствует и прилагаемый компакт-диск, который, кроме того, позволяет услышать текст в живом исполнении. Словарь снабжен обширным, хорошо продуманным научным аппаратом. Корпусу текстов предпослано приложение, которое в лучших традициях публикации фольклорных записей содержит исчерпывающие паспортные данные к каждому тексту, принятые в Словаре сокращения мест хранения диалектных и фольклорных материалов, указатель мест записи, списки исполнителей и собирателей (653 текста собраны лично Г. В. Медведевой-

Афанасьевой, 15 — совместно с М. Р. Соловьевой, 1 — с Е. И. Шастиной), оговорены принципы подачи диалектных особенностей речи исполнителя, знаки внутри фольклорного текста. Все это еще раз свидетельствует о профессионализме и научной добросовестности автора.

Традиционный уклад жизни сибирской деревни во всех его проявлениях: труд земледельцев, охотничий и рыболовный промысел, обряды и обычаи, православные праздники и будни; духовные и нравственные устои, верования и суеверия, историческое прошлое — составляет содержание рассказов, иллюстрирующих диалектные слова. Только перечисление в самых общих обозначениях тематики рассказов составит не одну страницу. Таким образом, функциональное поле статей, призванных проиллюстрировать в живой разговорной речи ту или иную словесную единицу, вышло далеко за грани принятого для словарей предназначения. Материал, заключенный в Словаре, настолько огромен и многогранен, что может стать основой не для одного исследования, связанного с традиционной жизнью Байкальской Сибири.

Следует отметить, что методика изучения локальной культуры была направлена на комплексный подход, фиксацию фольклорно-этнографических явлений во всей полноте и совокупности. Основной метод полевых исследований, как определила его собирательница, «метод “сосуществования”, предполагающий достаточно долгое проживание собирателя среди носителей вербальной культуры, при котором непрерывно и непосредственно фиксируется диалектная речь, устные рассказы, в обстановке непринужденного разговора» (т. 1, с. 5). На протяжении длительного времени записывались рассказы в условиях естественного бытования вербальной традиции. В этом главный положительный опыт экспедиционной работы в противоположность одномоментным фиксациям текстов. Опыт полевой работы Г. В. Афанасьевой-Медведевой для нас представляет большой интерес еще и потому, что собирательница имела дело не с особо одаренными носителями фольклора, исключительными лицами, а с типичными, рядовыми знатоками культурно-бытовой традиции. Это земледельцы, рыболовы, охотники, скотоводы, как раз

и представляющие естественную среду бытования фольклора. Дневниковые записи, приводимые исследовательницей во вводной статье к Словарю, раскрывают сущность метода ее полевой работы. «1990 год 27 августа. Слова уходят из жизни как люди <...> Потому во время экспедиции я стараюсь приохотить к разговорам как можно большее число местных жителей. Иногда простое слово (даже и не рассказчика вовсе) может сильно задеть за живое, войти прямо в сердце... Но встречаются люди, пережившие много и умеющие рассказать о пережитом живым, ярким, образным, правдивым языком. Боюсь не встретиться с такими людьми, людьми, владеющими искусством устного слова, рассказом. Поэтому захожу почти в каждую избу... Разговариваю, слушаю, записываю.... По шестнадцать часов в сутки. Но сожаление о зря прожитом дне, если он не заполнен такими встречами, преследует меня непрерывно и точит душу» (т. 1, с. 18).

Обратимся к текстовому материалу Словаря не как к иллюстрации слов/фразеологизмов, лексических форм, а с точки зрения отношения его к фольклору, т. е. с фольклористических позиций. Контекст словника, как уже было сказано, сам по себе представляет репрезентативный источник не только для лингвистических, но и этнографических, культурно-исторических, фольклористических и других исследований. В Словаре представлен подлинный региональный фольклор в своем естественном бытовании, отразивший местную вербальную традицию. Употребление слова или фразеологизма в речи демонстрируется в форме связанного сюжетного текста, проявляющего признаки различных жанров устной народной прозы и как произведения фольклора подчиняющиеся определенным повествовательным канонам, хотя специфическая многослойность повествований не всегда допускает однозначное определение жанра: нередко в одном рассказе «уживаются» фрагменты, имеющие признаки художественной структуры разных жанров. В жанровом отношении тексты Словаря составляют единую систему различных форм прозаического фольклора, объединенных общностью взглядов на прошлое, настоящее и оценок различных сторон

народной жизни. Они представляют все известные в Восточной Сибири прозаические жанры и жанровые разновидности: предания, легенды, мифологические рассказы, устные реалистические рассказы. Самими исполнителями рассказы не выделяются из обиходного речевого потока как художественные произведения, тем ценнее они для фольклориста. В них естественно проявляется художественное восприятие действительности (истинной или мнимой) того, кто в данный момент произносит текст как свое личное высказывание, но в то же время отражается типизированное фольклорное сознание культурно-бытовой среды, сознание, историческое, реально-бытовое, а также мифологическое и религиозное, связанное с верованиями и представлениями. В центре повествований, как это свойственно народному искусству, находится человек и его жизнь, а функционально содержание рассказов в основной своей массе направлено на освещение вечной оппозиции «добро/зло».

Произведения имеют разнообразный, но поддающийся систематизации и классификации сюжетно-мотивный состав. Надо сказать, что из-за жанрово-тематического многообразия и объемности материала, сделать даже общий полный обзор сюжетно-тематического содержания фольклорных текстов всех представленных в Словаре жанров сразу не представляется возможным. Набор текстов в Словаре достаточен как для определения жанрового состава устной народной прозы байкальского региона, так и для анализа и выводов о локальном проявлении в фольклорном репертуаре той или иной сюжетно-мотивной единицы, а также для создания системы, выделения сюжетно-мотивных циклов. Автором Словаря такая систематизация намечена при обзоре тематики рассказов и выделении тематических разрядов слов. Например, топонимы, ойконимы, гидронимы и другие названия географических объектов легли в основу топонимических преданий. Статьи, раскрывающие антропонимы, составили своеобразные циклы, включающие личные имена, прозвища, а также мифонимы — имена некоторых персонажей русского фольклора, агонимы — имена святых православной церкви, народные названия праздников дохристианского и

христианского происхождения и др. Автор справедливо пишет об информативной ценности «собственных имен как важного компонента национальной культуры в ее региональном варианте». Такая соотнесенность лексических разрядов и фольклорного сюжетно-мотивного цикла еще раз свидетельствует о синкретическом характере лингвистического и фольклорно-этнографического, исторического, культурологического аспектов Словаря, каждый из которых самоценен. Такой подход находится в русле современных разысканий ученых в области междисциплинарных исследований.

Соотносимые по сюжетно-мотивному составу с имеющимися указателями, тексты Словаря вносят и свои дополнения. Все они представлены в текстовом материале Словаря. Кроме того, в Словаре есть сюжеты, не отмеченные в указателях, например в Указателе сюжетов/мотивов преданий Восточной Сибири о заселении и освоении края [Тихонова 2006, 201—208]. Примеров можно привести достаточно много, чтобы расширить представление о региональном репертуаре.

Коснусь еще одного вопроса, освещение которого напрямую связано с полевыми исследованиями. Кто он, носитель и хранитель русских старожильческих традиций Байкальской Сибири, каковы его духовно-нравственные представления, философское, мифопоэтическое и религиозное осмысление жизни? Рассказы рисуют образ сибиряка, освоившего, обжившего новые места, наладившего добрые отношения с иноэтническими соседями, не только адаптированного в новых природно-климатических условиях, но и стремящегося жить в согласии с окружающим миром. Он прежде всего человек православный, не растерявший своей духовности в трудных жизненных обстоятельствах.

Русское православное мировидение не вступало в противоречие с известным рационализмом, отличавшим традиционного сибиряка. Общественное мнение сохраняло нормы и правила народной жизни, соответствовавшие православным представлениям, отступление от главных заповедей норм православной жизни осуждалось. Православие всегда было неразделимо с повседневным бытом и в сознании, и в практических делах. Приведу 141

фрагмент рассказа о помощи молитвы в трудные моменты жизни: «...А семья большая. Которы-то пухнуть стали с голода. Ну и мама сварила (мухоморов — *Р. М.*), нам по чашке налила, чтоб уж всемям умереть вместе. На ночь наелися, чтоб утром уж не встать, чтоб восмерть заспать <...>. Мама на коленочки, у нас иконочка была Матерь Божья, мама на коленочки встала, помолилаша. Нас поставила. Мы помолилиша. Ну и че вы думаете?! Мы не то, что белый свет потеряли, мы сыты стали. Не отравились, ниче. Вот Молитва! Мама помолилаша, накрыла нас потником-то. Вот. Это мама помолилаша иконе Божьей Матери, защитнице <...>» (т. 1, с. 113).

Осмысление действительности с позиций православной веры отразилось не только в тех рассказах, которые непосредственно связаны с религиозной жизнью: о хождении с иконами в день памяти святого, о почитании иконы, о посещении храма, о евангелии, о помощи молитв. Можно привести много примеров, подтверждающих главную жизненную позицию жить «по-авангельска» (по-евангельски): делать добро, помогать тем, кто в этом нуждается. «А раньше же как? Приплавят в деревню (добытое на охоте мясо — *Р. М.*), всем раздают, делят. Никогда чтоб себе. Грех! Оставят там немного, а остальное все раздают людям. Делились» (т. 1, с. 115). В рассказах нашла место и сугубо сибирская черта — сочувственное отношение местных жителей к бродягам. Рассказы не идеализируют сибиряка, отразили они и постыдный «промысел» на дорогах, и оценка этим «промышленникам» дается с позиций православных заповедей.

Фольклорно-этнографические исследования старожилго русского населения Байкальского региона внесли свою лепту в освещение вопроса религиозного сознания русских. Русские старожилы в условиях иноэтнического окружения, восприятия иноэтнической культуры сохранили идеи православного вероучения, православные основания нравственности, применяя их в реальной жизни. Православие в обыденной жизни составляло ядро существования, в чем убеждают приведенные в словаре рассказы русских старожиллов Байкальской Сибири.

Г. В. Афанасьева-Медведева успела зафиксировать то, что исчезает в быстро

меняющемся мире и, как пишет В. Г. Распутин в упомянутом предисловии, предварающем Словарь, «предыдущие 250 лет быт в сибирской таежной деревне изменили меньше, чем последние 25 лет. Последние 25 лет его, можно сказать, обрушили» (т. 1, с. 9). По свидетельству собирательницы, села, где когда-то записывались полнокровные фольклорные тексты, умирают. Если раньше собирали сетовали, что ушел из жизни тот или иной исполнитель, то теперь речь идет об исчезновении целых населенных пунктов, не говоря уж об исчезновении фольклорной среды как условия бытования устного народного творчества.

В Словаре заложена колоссальная база народных знаний, содержащих информацию об окружающем мире, духовной культуре, языке, фольклоре, многообразный познавательный фольклорно-этнографический материал. Получены эти знания исключительно благодаря полевым исследованиям. Полностью основанный на полевых изысканиях, Словарь содержит многообразный, ценный не только в познавательном, но и теоретическом отношении этнопоэтический материал. Он еще раз доказал, какие возможности исследования народной культуры в различных аспектах, в том числе современного ее состояния, формы и содержания бытования фольклора открывает систематическая экспедиционная работа. Время гасит традиционную культуру, задача полевой фольклористики целенаправленно изучать на месте, что еще осталось.

Литература

Афанасьева-Медведева 1994 — Рождественские ночи. Сказки, былички, заговоры / сост., предисл., очерки, подгот. текстов и коммент. Афанасьевой-Медведевой Г. В. Иркутск, 1994.

Афанасьева-Медведева 2002 — *Афанасьева-Медведева Г. В.* Русская охота на медведя в Восточной Сибири в фольклорном и этнолингвистическом освещении. Иркутск, 2002.

Даль 1978 — *Даль В.* О наречиях русского языка // Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978. С. XLI—XXXV.

Тихонова 2006 — *Тихонова Е. Л.* Русские предания Восточной Сибири о заселении и освоении края. Улан-Удэ, 2006.